

## Глава 14. Способ сломать одного зверочеловека. Часть 2

— Минарис и Марис. Это правда, что вы зверолюди?

Она отказывается понимать смысл слов, которые слышит собственными ушами.

— Спрашиваю еще раз. Это правда, что вы, мать и дитя, оба зверолюди?

В ее опустевшей голове эхом отдаются произнесенные главой деревни слова.

(Почему Почему Почему!? Э, почему он вдруг говорит это!?)

Ее голова заполняется все новыми вопросами. Но сейчас она не способна справиться с поступающей информацией. Она не понимает, что происходит.

В ее голове настоящий хаос; девушка инстинктивно поворачивается к своей матери, ища помощи с ее стороны.

На лице ее матери – угрюмое выражение; она выглядит так, будто пришла к какому-то вынужденному решению. И в следующий миг собственноручно рассеивает наложенную на себя иллюзию.

Жители деревни отпрянули; выражение их глаз меняется в одно мгновение.

Такие же взгляды, что они посвящали горе трупов только что истребленных ими гоблинов.

И это взгляды всех тех, кто до вчерашнего дня относился к ним, как к членам своей семьи.

— М-мама...

Она слышит меняющиеся один за другим оттенки их голоса; и беспорядок в ее голове неизбежно увеличивается.

Ошеломленная, она видит все эти взгляды вокруг; глаза главы деревни принимают невообразимо холодное выражение, такое, которое ей ни разу в жизни не доводилось наблюдать – взгляд, полный обжигающего презрения.

..... Страшно.

Этот взгляд настолько пугает, что страх, испытанный ею вчера при встрече с ледяным гоблином, ни в какое сравнение с ним не идет.

— Как вы можете видеть, мы зверолюди. Прошу прощения за то, что мы скрывали это.

Она видит, как ее мать толкают на голую землю, видит, как она склоняет голову в попытке извиниться; и наконец, замечает направленные на себя злобные взгляды деревенских

жителей.

— Так слова Люсии были правдой.....

— Люсии!? Это ... Ты лжешь!!

Она же пообещала вчера. Она сказала, что будет держать это в секрете.

Она оглянулась, желая убедиться в том, что это было неправдой. Один ее друг детства находился среди группы в 15-16 человек.

Однако она искала вовсе не его.

Там стоял ее другой друг детства, Керил; он смотрел на нее, словно на обычный мусор. А за ним виднелась маленькая фигурка Люсии; она прижималась к нему, и на лице ее играла странная улыбка.

— Поче...му? Ты же сказала, сохранишь это в секрете!!

— Хии-!! Керил...

С криком девушки Люсия, еще больше прильнув к Керилу, делает нарочито испуганный вид.

— Люсия, все хорошо, успокойся.

Говоря это, Керил мягко похлопывает Люсию по спине и затем еще более пронзительно смотрит на девушку.

— Эй, не пугай ее еще больше!! Я не поверил, когда услышал в первый раз, но ты на самом деле ужасна!! Я ошибался в тебе!!

— Чт-!? Что ты...

— Не прикидывайся!! Люсия мне рассказала!! Ты все время издевалась над ней!! Она плакала, когда рассказывала о том, как ты пригрозила ей молчать о твоей настоящей сущности...

— Чт...

Она вдруг осознала, что не способна больше произнести и слова. Остановился не голос; сами ее мысли отказывались воспроизводить слова, будто они начисто исчезли из ее головы.

— Глава деревни, не важно, что произойдет со мной; но, пожалуйста ... Вы можете пощадить этого ребенка? По крайней мере...хотя бы пока она не достигнет своего 18-летия...

Говоря это с опущенной головой, Марис не выпускает из объятий свою дочь.

Она решила сделать это еще вчера, когда услышала историю своей дочери. Ее дочь не смогла бы сбежать из деревни вместе с ней, истощенной болезнью. Но в то же время она ясно понимала, что дочь ни при каком случае не оставит ее одну. Поэтому она, ради дочери, сейчас отчаянно склоняет голову перед этими людьми.

— Пожалуйста, как-нибудь ...

— Хватит нести бред!! Грязное животное!!

Марис в ответ прилетели не только оскорбительные слова; за словами устремились подобранные с земли камни.

— Верно, верно!! Хватит!!

— Вы обманывали нас все это время, омерзительно!!

— Животное не должно подражать людям!!

Начавшись с одной фразы одного единственного человека, поток оскорблений и гальки продолжал беспрерывно сыпаться на двоих.

— Пожалуйста, только ребенка...!

— Мама!!

Вперемешку с галькой о Марис ударяется довольно большой камень; из раны на ее голове начинает течь кровь.

Девушка машинально закрывает мать своим телом, стараясь ее защитить.

Из-за творящегося вокруг хаоса ее иллюзия давным-давно рассеялась, ее хвост и уши стали видны. Тем не менее, она продолжает защищать свою мать.

Однажды ее мать слегла с тяжелой болезнью, затем каким-то образом смогла вылечиться, однако от ее «нечеловеческой» силы практически не осталось и следа. Она была слаба до такой степени, что сейчас не могла уклоняться, получая раны от брошенных обычной нетренированной деревенщиной камней.

— Прекратите, прекратите все, ХВАТИИИИТ!!

Вопль девушки эхом разносится по деревенской площади; однако встречает лишь волну презрительных насмешек.

— Заткнись!! Выродок монстра не должен говорить!!

— Не смей произносить человеческие слова, ты, животное.

— Сдохните!! Почему вы еще живы? Поторопитесь и сдохните уже!!

\*Крик, крак\*. Она понимает, что с таким звуком в ее сердце образуется глубокая и темная, темная трещина.

Будто кто-то выбивает ее заостренным колом в ее сердце.

Почему? В чем причина? Не хочу, мне больно; и сердцу намного больнее, чем телу.

Сжавшись, стоя на коленях, она оглядывается вокруг; она видит Керила, что бросает в них камни вместе с остальными жителями, видит его пронзительный взгляд. Видит Люсию, что прячется за Керилом, хватаясь за его рукав, и незаметно для него на ее лице играет кривая насмешливая улыбка.

А потом ее голова, тело и сердце, наконец, приходят к осознанию.

Ее предали. Предали, предали, предали, предали!!

— Почему, почемууу...

На глаза наворачиваются слезы. Удары камнями, что сыплются на ее тело, с каждым разом все глубже и глубже забивают клин в ее потрескавшееся сердце. Еще чуть-чуть – и она полностью сломается... Однако вдруг понимает, что дождь из камней прекращается.

— Что за шум!?

Неожиданно показалась группа деревенских мужчин.

Они, вероятно, вернулись с охоты раньше, чем ожидалось, и принесли с собой немного дичи.

— О ... тец ... \*всхлип\* Отец!!

Затуманенными от слез глазами она все же смогла разглядеть своего отца среди вернувшихся с охоты людей.

Она чувствует облегчение; теперь они будут спасены. Ее отец был достаточно влиятельным человеком в деревне и, вероятно, станет ее следующим главой.

Чувство облегчения охватывает ее все больше – она видит, что он обсуждает что-то с деревенскими жителями. Да, теперь можно не сомневаться – их спасут...

— Вы ошибаетесь!! Я не имел никакого понятия, я не знал!!

— .....

Медленно и плавно, ее мир переворачивается. Искажается и крошится по частям.

— Меня обманула эта женщина!! Черт побери это грязное животное!

Ее уши глухнут. Глаза – слепнут. Нос перестает воспринимать запахи. Она не чувствует ничего.

— Что это. Э? Что же это...

\*Крак\*. Все же она понимает, что что-то слышит – слышит треснувший звук.

Теперь ее мир окончательно рухнул.

В себя девушка приходит в трясущейся повозке работорговца.

Сквозь туман в голове она припоминает, что то существо, которое она до сих пор считала "отцом", практически за бесценок продает ее работорговцу.

Только из-за присутствия рядом своей матери она смогла вернуть свое здравомыслие, будучи на грани бесповоротного срыва.

Мать и ребенок, пара звероловцев – они не получили достойного обращения даже в качестве товара.

Пища, что они получали, во многом уступала по размерам и качеству еде остальных. Их наказывали и оскорбляли без всякой на то причины. Им приходилось пользоваться грязной водой, оставшейся после других, их пинали и обзывали "вонючими" и "грязными", хотя возможности помыться нормально и в помине не было.

Используя как оправдание их выдающиеся физические способности, торговец приковал их к движущейся повозке – они вынуждены были бежать вслед за ней.

Желание не быть обузой для своей слабой матери было единственной вещью, что придавало сил сломленной девушке.

Тем не менее, независимо от того, как она старалась, в этом было не больше толку, чем лить воду на горячий камень. Ее красивая мать угасала с каждой секундой.

И она стала жертвой работорговца.

Приговаривая "смотрите, я издеваюсь над зверочеловеком" или "к ним мы относимся хуже, чем к вам", он хотел таким способом уменьшить напряжение других рабов.

Как он и ожидал, видя их, другие рабы усмехались.

Они смотрели, как девушку порют, смотрели, как ее мать таскают за волосы, и смотрели, как двое валяются на земле, получая удары в спину. Они насмехались, будто присутствовали во время интересного спектакля.

Прошло полгода с того дня, как девушку купил работорговец; до Королевской Столицы была еще половина пути, когда ее мать окончательно перестала двигаться.

И снова мир девушки наполняется пустотой, и она тонет в ее объятиях.

Ее больше не волнует грязь, примешанная в ее пищу. Она больше невосприимчива к ударам плетью и оскорблениям. Она не пытается сопротивляться, когда ее в прямом смысле поливают грязью, называя это «купанием».

— Тч, она сломалась. Черт, оказалась хрупкой, хоть и зверочеловек. Только потому, что есть

аристократы, которым по душе такого рода вещи, я взял ее. Тьфу.

Девушка отрешенно, с пустыми глазами внимает возмущениям работорговца.

— Даже твоя мать сдохла по своему собственному желанию. И почему я должен терять из-за вас деньги, черт бы вас побрал.

Вдруг оставшиеся от ее сердца осколки реагируют на его слова.

(Почему...?)

Подобно тому, как яд распространяется по телу, быстро и неизбежно, в ее голове вопросы возникают один за другим.

(Почему? Что я сделала не так? Когда я была неправа? Что я должна сделать, чтобы все исправить?)

Разом нахлынувшие вопросы превращают безжизненные обломки в тягучую магму.

(Чья это вина? Почему я здесь? Кто я? Что я вообще здесь делаю? И что это за чувство?...)

Все оставшиеся фрагменты обращаются в пылающую магму.

Сначала она искривляется, деформируется, принимает уродливые формы, извиваясь и скручиваясь.

А затем появляется ее новая форма; и образовавшееся сердце несет в себе только одно настоящее чувство.

— Ах, я ... хочу их сломать.

Как только она осознала смысл того, что бессознательно произнесла, ее застывшие эмоции вырываются наружу.

Ненавижу.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу. Просто ненавижу.

Ненавижу Люсию, ненавижу Керила, ненавижу человека, что был моим отцом, ненавижу главу деревни, ненавижу ее жителей.

Ненавижу работорговца, что сделал посмешище из моей матери и меня, ненавижу рабов, что насмехались, когда работороговец глумился над нами.

Я хочу их мучить, хочу наносить раны, и не прощу их, хочу сломать, хочу согнуть, хочу проткнуть, хочу захватить, хочу лишить, хочу измельчить, хочу раздавить, хочу разбить, хочу исполосовать, хочу задушить, хочу сжечь, хочу содрать кожу, хочу пронзить, хочу разорвать, хочу убить, хочу убить, хочу убить, хочу убить, УБИТЬ УБИТЬ УБИТЬ УБИТЬ УБИТЬ УБИТЬ!!

Ее сердце моментально заполняется до краев.

После этого она перестала подчиняться работоторговцу.

Каждый раз ее неповиновение наказывалось различными средствами, но благодаря жару, что сжигал ее изнутри, она все терпела.

Даже если пытками ее доводили до состояния неподвижности, даже если она была на грани смерти – это жар никогда не исчезал.

И с прибытием в Королевскую Столицу и получением печати раба, что причиняла боль при каждом ее неповиновении, ее вопиющая враждебность ничуть не ослабла.

Начались бесконечные дни в грязной клетке – в кандалах, без достаточного количества пищи, одежды или ванн. Дни, полные мечтаний и фантазий о том, как она с особой жестокостью осуществит свою месть. Затем ей перестали приносить единственную порцию еды в день – незачем кормить ненужный рот, от которого в ближайшее время собирались избавиться.

Так она может умереть. Нет, она точно умрет.

Жар, что не исчезал даже на грани смерти, извивался, змеился внутри ее тела.

Не имеет значения, насколько вынослив зверочеловек, без какой-либо пищи он не протянет долго. Ее сознание уже окутывал туман; она не чувствовала ничего, кроме жара внутри ее разгоряченного тела.

— Ах, как я и думал – у тебя замечательные глаза.

Раздается голос в ее угасающем сознании.

Перед ней стоит незнакомый человек; способность рационально мыслить испарилась, и она заключает, что перед ней очередной аристократ, как и те, что приходили раньше, когда они только прибыли в столицу.

Обессиленная, неспособная более на какие-либо действия, она может только смотреть на него взглядом, полным враждебности и ненависти, надеясь его этим запугать.

Несмотря на это, она внезапно чувствует что-то знакомое в глазах этого человека.

— Н...не трогай ... ты...человек.

Ее обезвоженный рот выдавливает несколько слов.

- Гх-AAAAAAAAAAAAA !!

А затем боль пронзает все тело, заставляя ее затухающее сознание блекнуть еще быстрее.

Чувство, будто насильно вскрыли старые зажившие раны. И крик словно силком вырывается наружу из ее тела.

А когда она чувствует, что волна боли утихает, какая-то жидкость льется ей в рот.

— Нг-мм-мммммм!!

Жидкость, которую она глотает, не имея сил сопротивляться или выплюнуть, восполняет силы ее ослабленного тела.

Из-за не недостатка еды или отдыха ее магия также истощилась, но теперь восстанавливается примерно наполовину.

— С этим тебе должно полегчать достаточно для того, чтобы говорить.

Девушка не понимает смысл слов стоящего перед ней человека. Но прояснившегося сознания вполне хватает на то, чтобы понять, что ей только что дали – порции зелья ОЗ и ОМ.

Но это были не те вещи, что можно так запросто дать рабу – пусть они имели не баснословную, но все же достаточно приличную цену.

— Почему .....

Этого было достаточно, чтобы девушка насторожилась в ожидании ловушки; поэтому следующие слова человека стали для нее настоящим потрясением.

— Кого ты хочешь убить?

Такое же потрясение, такой же толчок, что она чувствовала после смерти ее матери и произнесенных работником слов – те, что образуют ее настоящее сердце.

— Кому ты жаждешь отомстить?

Читая выражение его глаз, она понимает, что этот человек – точнее, молодой парень, – не так уж сильно отличается от нее самой. И теперь понимает, почему тогда почувствовала знакомое ощущение и не могла оторваться от его глаз.

В них присутствует что-то очень похожее на тот жар, что обитает с некоторых пор внутри ее собственного тела.

Поэтому она почувствовала это – выражение его глаз такое же, как у нее самой.

Поэтому она начинает говорить.

— Той, что была моей подругой...тому, что был моим другом детства и...отцу и...главе деревни и...работнику и рабам.

— Ты действительно хочешь просто убить их всех?

Она чувствует усмешку в его голосе, но понимает, что он все-таки с нетерпением ждет ее ответа.

Его насмешки ничего не значат для нее.

Ее желание, что она собственноручно исполняла столько раз в своих фантазиях, уже давно стало не только частью ее сознания – теперь оно стало ее инстинктом.

— Нет, просто убить их будет недостаточно. Все будет бессмысленно, если я не буду их пытать и мучить, заставлять их кричать, медленно лишать их сна, затем ломать, ломать, ломать до изнеможения. Будет большой потерей просто убить их.

Говоря это, она улыбается – в первый раз с того времени, как стала рабом.

Стоящий перед ней парень улыбается ей в ответ на слова, идущие из самой глубины ее сердца.

<http://tl.rulate.ru/book/117/1975>